

УДК 811.111-26 По + 7.036.45

О. А. Кравченко

**«ТЕНЬ И СУЩНОСТЬ, ВЕЩЕСТВО И СВЕТ»:
ЭДГАР ПО В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА**

Рец. на кн.: Колчева Т. В. Эдгар По и русский символизм. — Тула : Тульский полиграфист, 2012. — 196 с.

В рецензии на монографию Т. В. Колчевой «Эдгар По и русский символизм» отмечается роль творческого наследия Э. А. По для русских писателей-преемников, прослеживается духовная связь индивидуальной мифологии американского поэта с творчеством Н. В. Гоголя и художественной практикой русского символизма.

Ключевые слова: Э. По; романтизм; символизм; авторская мифология; компаративистика; онтологическая поэтика.

Феномен русского символизма предстает как сложная система эстетических отражений и влияний. Это многогранное явление вовлекает в себя глобальные культурные пласты от греческого трагического дионисийства до современной трагедии утраты духа музыки. Развивая мысль А. Белого, трактовавшего символ как аналог химической реакции, можно говорить о том, что и собственно символизм возникает как специфическая реакция на бытийно-активные сущности, воплощенные, в частности, именами Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Ф. Ницше, Э. По. В монографии Т. В. Колчевой осмысливается тот неотъемлемый компонент формирования идеологии и стиля русского символизма, который связан с творчеством американского поэта-романтика.

Данное исследование является по-настоящему новым словом в отечественном изучении творческого наследия Эдгара Аллана По. Продолжая постсоветскую линию эдгароведения, намеченную работами [см.: Пахолкина, Коноваленко], монография Т. В. Колчевой сопрягает аспекты компаративной и онтологической поэтики, комплексно прослеживая экзистенциально-творческую связь американского поэта и его русских преемников. В то же время монография «Эдгар По и русский символизм» может быть рассмотрена как продуктивное развитие традиции изучения «формантов» русского символизма, ярко представленной работами Л. А. Сугай, и, в частности, ее книгой «Гоголь и символисты» [Сугай].

Характерной чертой рецензируемой монографии является строго выдержанный межкультурный баланс: она равным образом углублена в контекст американской литературы первой половины XIX в. и русской литературы начала XX столетия. Повествование задано не только изучением влияния Э. По на русский символизм, но и осмыслением ситуации встречи — через годы и расстояния — родственных духовных интенций. Как и Ш. Бодлеру, творческая личность Э. По видится автору как «планета без орбиты», и потому характер его влияния принципиально не может быть исчерпан набором сюжетов и поэтических техник. Речь идет о множественности смысловых траекторий, о непредсказуемом пути кометы, озаряющей собою далекие исторические ландшафты.

Как нам представляется, структура монографии задана логикой биографического очерка первооткрывателя Э. По для русской аудитории — К. Бальмонта. Подобно символично-тематической рубрикации эдгаровской биографии в его изложении (такие, к примеру, названия глав: «Любовь, Борьба», «Смерть Любви, любовь к Любви, Смерть» [Бальмонт, с. 43, 61]), Т. В. Колчева выстраивает собственное научное высказывание с опорой на те сущностные доминанты, которые предопределили множественность валентных связей Э. По и русского символизма. Так, генеральная линия Жизнь — Смерть — Миф является структурной осью монографии, репрезентируя, соответственно, название трех ее частей. Внутри же каждой части акцентирована смысловая полярность: хаос и космос, уродство и красота, мгновение и вечность. Как подчеркнуто автором в предисловии, структура монографии «...отражает символическую противоречивость, которая определила судьбу великого американского поэта и судьбу русского символизма» [Колчева, с. 12]¹.

Бинарность, лежащая в основе структурной схемы монографии, задает ее разновекторную проблемность, стремление мысли по расходящимся радиусам в круге обозначенной темы. Этот тип движения обнаруживает глубинную родственность с «Эврикой» Эдгара По. Он охватывает «физическую и метафизическую вселенную» поэта-философа и позволяет исследовательнице актуализировать широкий спектр научных тем и методологий. Это и изучение особенностей биографического дискурса, и сопоставительный анализ поэтических переводов, и специфика осуществления культурных связей; в монографии обретают специфическую символистскую окрашенность категории героя, жанра, ритма, мифа.

Остановимся подробнее на содержании каждой главы. Как уже было сказано, открывает книгу глава «Жизнь», первый раздел которой знакомит читателя с исполненной драматизма биографией Э. По, получившей различное освещение как в автобиографической заметке «Memorandum» самого поэта, так и в работах Р. Грисуолда, Ш. Бодлера, Д. Инграма, в очерках К. Бальмонта и В. Брюсова. Диаметральная противоположность взглядов на жизнь великого американского романтика косвенно объясняет деление главы на разделы «Хаос» и «Космос». «Сумасшедший, безумный, страшный, неврастеник, алкоголик, наркоман» (с. 14), — подобным характеристикам хаоса противостоит космичность, утверждение гармонии как квинтэссенции эдгаровского существования. Этот тезис, выражающий общую настроенность «Очерка жизни Эдгара По» К. Бальмонта получает в монографии Т. В. Колчевой такую нюансировку: «Жизнь Эдгара По была творчеством, а творчество — выражением Космоса, всегда ритмического, всегда гармоничного» (с. 31). Таким образом, жизненность поэта — это преодоление инерции расхожих штампов силой поэтического воздействия, обнаруживающего духовную высоту. Т. В. Колчева подчеркивает, что поэзия для Эдгара По была «синонимом “жизни”, но только жизни, полной гармонии» (с. 12).

Гармонические закономерности поэзии Э. По вскрываются автором монографии в скрупулезном анализе ее ритма, не сводимого без остатка к метроритмическому уровню, а понимаемому философски широко, как особого рода

¹ Здесь и далее ссылки на этот источник даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

пульсации человеческой судьбы, раскрывающиеся в звуковой тональности, динамике тембра, композиционной изысканности стиха. Чуткость к эдгаровскому смыслообразующему ритму предопределяет ход анализа стихотворения «The Bells» и двух его символистских переводов — «Колокольчики и колокола» К. Бальмонта и «Звон» В. Брюсова. Показателен итог проведенного анализа: «...ритм в этом стихотворении создается во многом благодаря фоническому повтору <...> ритм изменяется от радостно-легкого через тревожно-рваный к мерно-тяжелому. В закономерности: начало — развитие — итог, ритмическая организация повторяет ритм человеческой жизни: быстро мчащиеся молодые годы, полная забот, трагедий и тревог зрелость, а за ней — забвение, всегда мистическое и всегда неизбежное» (с. 47–48). По мнению исследовательницы, К. Бальмонт улавливает этот экзистенциальный ритм, актуализируя в переводе стихотворения его звуко-смысл.

Отдельный сюжет этого раздела — брюсовский вклад в популяризацию творчества Э. По в России, особенности подхода Брюсова к переводу как к «передаче сознания», анализ различных редакций его переводов.

Концептуальное единство полярных начал, представшее в первой главе, на новом тематическом уровне претворено в последующем изложении. Однако во второй главе сопряжение хаоса и уродства, космоса и красоты дано не в свете Жизни, а в трагико-мистических отблесках Смерти — главного мотива творчества Э. По.

В первом разделе этой главы внимание в основном сосредоточено на новеллистике Э. По, в художественном строе которой осуществляется трансформация традиции готического романа и героя-злодея. Новые закономерности эстетики ужасного в свое время точно зафиксировал В. Брюсов, отметив, что у Э. По страшное не есть «чудесное» нарушение обычных условий реальности, оно дано как естественное и логичное ее состояние. Соответственно, готический злодей у американского романтика — не inferнальный, а скорее рассудочный герой, предстающий читателю в динамике нарастающего внутреннего уродства. Этот тип оказался созвучен эпохе декаданса, и тот же В. Брюсов декларировал в предисловии к сборнику «Земная ось» ориентацию на Э. По, в частности, в новелле «Теперь, когда я проснулся...». Анализируя эту новеллу, Т. В. Колчева подчеркивает, что степень ужасного, воплощенного в произведении, превышает ужас описываемых в нем событий, поскольку композиция новеллы подчинена не линейному временному развертыванию, а утверждению мировоззренческих постулатов героя. Рассказ об убийстве жены ведется не раскаявшимся преступником, а рефлексирующим о человеческой сущности злодеем-теоретиком.

Влияние созданного Э. По типа героя обнаруживается и в романе А. Белого «Москва». Образ Эдуарда Эдуардовича фон Мандро воплощает то абсолютное и самообоснованное злодейство, которое справедливо может быть названо «бесом извращенности». С уверенностью можно утверждать, что данный аспект исследования вносит существенный вклад в беловедение, расширяя границы интерпретации одного из самых недооцененных романов писателя. Т. В. Колчевой удается показать саму эдгаровскую ауру романа. В незначительном, на первый взгляд, эпизоде, когда Коробкин, жертва Мандро, принимает за шапку лежащего

кота и «надевает» его на голову, — исследовательница усматривает скрытый смысловой код новеллы «Черный кот». В обоих произведениях учинена страшная пытка — лишение глаза, что позволяет по-новому прочитывать и подтекст данного эпизода, предвещающего роковые события, и образную систему романа.

В целом же архитектоника второй главы базируется на романтическом принципе дополнительности уродства и красоты, отлившемся в формулу «безобразное как прекрасное». Это и предопределяет дальнейшее обращение к женскому полюсу поэтики Э. По — образу прекрасной мертвой женщины.

Следует признать, что данный раздел монографии — самый насыщенный по объему привлеченного материала. Образ возлюбленной, оказывающейся в жизни и творчестве Э. По на грани бытия и небытия, обретает почти «месмерическую» притягательность для многих последующих поколений творцов. Т. В. Колчевой многоаспектно прослежены разнообразные тона и оттенки этого символа «конца времени» у художников-прерафаэлитов, О. Уайльда, В. Серова, Г. Чулкова, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, Вл. Соловьева. Поистине, Морелла, леди Лигейя, Элеонора, Аннабель Ли стали новым мифом о вечной женственности, расцветающей в объятиях смерти.

Обращение к авторской мифологии Э. По логично следует из предшествующего анализа бытийных векторов его творчества. Отметим, что речь идет не об отдельных мифологемах, анализ которых спорадически представлен в научной литературе, и на недостатки которого справедливо указывает Т. В. Колчева: «Критической литературе о мифотворчестве часто не хватает исторической и интернациональной перспективы» (с. 110).

Задачей третьей главы — «Миф» — становится развертывание мифологической систематики мышления американского романтика, краеугольным камнем которой являются идеи написанного за год до смерти сочинения «Эврика: поэма в прозе». Названная В. Брюсовым «проповедью интуиции» и вобравшая в себя родовые черты поэмы и космогонического трактата, «Эврика...» неизбежно оказывается близка философским доктринам Серебряного века. Раскрывающаяся в этом произведении динамика мироздания нашла непосредственный отклик в заметках В. Брюсова и опосредованный — в учении о ритме и в антропософских мыслеобразах А. Белого, оказалась созвучна идее «всеединого сущего» В. Соловьева, учениям Л. Карсавина и Н. Бердяева. Мифология Э. По, сопрягающая мгновение и вечность, осмыслена автором монографии как то мощное «подземное течение в России», пульсации которого намеревался зафиксировать в свое время еще А. Блок.

Подводя итог, хочется сказать об особой заразной силе книги Т. В. Колчевой. Она побуждает к тому кропотливому, порою междисциплинарному научному поиску, который расширяет фокус исследования в диапазоне от сонетной рифмовки до психологических трактовок индивидуальности. Одним из направлений мысли, стимулированной настоящей монографией, видится нам вопрос о сопоставлении силы воздействия на русских символистов Э. По и Н. Гоголя — мистически родственных друг другу и одним годом рождения, и реалистической фантастичностью своего творчества, и фактом его актуализации в эпоху модернизма. Имена Э. По и Н. Гоголя взаимно отражены как самими символистами

(юбилейные гоголевские статьи В. Брюсова и А. Белого), так и литературоведами (гоголевский раздел книги Д. Чижевского «История русской литературы. Романтизм» [Tschizewskij], статья Хелен Мучник «Несчастное сознание: Гоголь, По, Бодлер» [Muchni и др.]).

Ценность монографии, помимо отмеченных моментов, состоит еще и в расширении материала исследования, и во введении в научный обиход корпуса архивных материалов, впервые публикуемых и комментируемых. В заключение особо отметим, что настоящая книга в равной степени глубока и увлекательна, может быть рекомендована исследователям американского романтизма и русского символизма, а также студентам и преподавателям самого широкого круга гуманитарных специальностей.

Бальмонт К. Очерк жизни Эдгара По // По Э. А. Собр. соч. : в 4 т. / пер. с англ. ; сост., общ. ред. С. Бэлзы ; коммент. А. Н. Николюкина. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. М., 1993. [Bal'mont K. Oчерk zhizni Jedgara Po // Po Je. A. Sobr. soch. : v 4 t. / per. s angl. ; sost., obshh. red. S. Bjelzy ; komment. A. N. Nikoljukina. T. 1. Stihotvorenija i pojemy. M., 1993.]

Колчева Т. Эдгар По и русский символизм. Тула, 2012. 196 с. [Kolcheva T. Jedgar Po i russkij simvolizm. Tula, 2012. 196 s.]

Коноваленко А. Г. Баллады Эдгара По в переводе Валерия Брюсова : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. [Konovalenko A. G. Ballady Jedgara Po v perevode Valerija Brjusova : dis. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2007.]

Пахолкина М. В. Эдгар По, литературный критик, поэт и прозаик, и традиции символизма. М., 2003. 106 с. [Paholkina M. V. Jedgar Po, literaturnyj kritik, poet i prozaik, i tradicii simvolizma. M., 2003. 106 s.]

Сугай Л. А. Гоголь и символисты. 2-е изд., испр. и доп. Banská Bystrica, 2011. [Sugaj L. A. Gogol' i simvolisty. 2-e izd., ispr. i dop. Banská Bystrica, 2011.]

Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des XIX Jahrhunderts. 1. (Die Romantik). München, 1964.

Muchni H. The Unhappy Consciousness: Gogol, Po, Baudelaire. Northampton ; Massachusetts, 1967.

Рецензия поступила в редакцию 14.12.2013 г.